

СОН. Ф.

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

428844

4

« НАУКА »

1993

I 7736

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

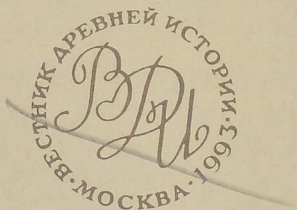
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

428844

9524

4(207)

Октябрь—Ноябрь—Декабрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН В 1937 г.

МОСКВА

1993

"НАУКА"

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

© 1993

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ С.А. ЖЕБЕЛЕВА

(Из неизданного научного наследия)

Предлагаемая вниманию читателей ВДИ неизданная работа С.А. Жебелева о книге немецкого антиковеда, профессора древней истории Кёльнского университета Иоганна Хазебрека «История хозяйства и общества у греков доперсидского времени» (1931) была написана, вероятно, в 1933 г. Она представляет собой детальнейший разбор исследования Хазебрека, являющегося своего рода продолжением предыдущей книги того же автора — «Государство и торговля в древней Греции» (1928).

1920-е — 1930-е годы в историографии античности знаменательны появлением новых тенденций, связанных с продолжением дискуссии о степени развития промышленности и торговли в древнем мире, начатой в конце XIX в. Карлом Бюхером и Эдуардом Мейером. Как реакция на «модернизирующее» направление появилась «примитивизирующая» концепция развития античной экономики и античной цивилизации в целом. Ошибки и тех, и других на примере книги И. Хазебрека умело выявляет и анализирует С.А. Жебелев. В этом, на наш взгляд, и состоит основное достоинство публикуемой работы С.А. Жебелева, так как позволяет современному читателю познакомиться из первых рук со взглядами значительной группы западноевропейских ученых того времени и оценкой этих взглядов виднейшим представителем русской науки об античности. В тексте С.А. Жебелева обращает на себя внимание отсутствие научного аппарата, так как перед нами не рецензия в строгом смысле слова, а обзорный доклад, подробнейший реферат книги И. Хазебрека, вероятно, прочитанный академиком своим коллегам по Государственной Академии истории материальной культуры.

Текст публикуется по автографу, хранящемуся в Рукописном архиве Института истории материальной культуры Российской АН*. Слова, восстанавливаемые по смыслу, заключены в квадратные скобки, сокращения дополняются без скобок в случаях, не имеющих другого толкования.

И.В. Тункина, Э.Д. Фролов

О НОВОЙ КНИГЕ НАСЕВРОЕК'А

Вышедшая еще в 1931 г., мною вскоре же после появления выписанная в Библиотеку Академии наук, но полученная лишь месяца два тому назад, новая книга Хазебрека называется «Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zur Perserzeit»¹ (Греческая экономическая и социальная история до времени персов, т.е. до Греко-персидских войн). Книга небольшая, всего 300 страниц с небольшим, но достаточно насыщенным содержанием. И в этом уже бесспорное ее достоинство.

В первых же строках предисловия Хазебрек указывает, однако, что его книга дает только «основу», Grundlegung. Прежде чем перейти к ознакомлению с содержанием

* РА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 464. Л. 1—29. Автограф.

¹ Hasebroek J. Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte. Tübingen: J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1931. 311 S.

книги, я позволю себе остановиться на предисловии, так как в нем Хазебрек ясно и определенно устанавливает свою позицию в отношении трактуемого им сюжета. Я оставляю в стороне вопрос, говорит Хазебрек, можно ли в настоящее время дать больше, чем «основу», в особенности для социальной истории Греции доэллинстической эпохи. Ведь для уяснения правового положения раннегреческого общества не было до сих пор произведено никаких предварительных работ, высказаны только афористические предпосылки, большая часть вопросов не получила вовсе или получила лишь оспариваемые ответы. Но попытка дать «основу» с целью уяснить принципиальные вопросы требует современного исследования древней истории. Дело в том, что все больше и больше раздаются голоса, потрясающие в основе ту условную картину греческой экономики, которая может быть признана господствующей. Историко-экономическое рассмотрение античного мира с самого начала двигалось по руслу позитивизма второй половины прошлого века, который нашел свое самое мощное выражение в реакции против идеализации античности, а в более узкой области — а истории — также и материалистической ее трактовке. Вторая половина прошлого века, создавшая основы современной науки истории античного мира, давала сознательно или бессознательно такое изображение этого мира, которое она не могла представить в широких чертах. И вот, чтобы приблизиться к античному миру, наука и старалась, чем дальше, тем больше, дать в изображении этого мира по возможности отображение мира нам современного. Началось это с «Римской истории» Моммзена², оказавшего в этом случае сильное влияние на все последующее поколение историков, давших обширные труды по греческой истории — здесь имеются в виду, конечно, труды Белоха, Эд. Мейера и Пельмана³. Своего зенита это направление достигло в труде последнего об античном социализме⁴, где «фантазия исследователя первого ранга нарисовала экономический и социальный строй доэллинистического Средиземноморья, причем модернизация этого строя достигла наивысшего предела: греческий мир с его фабрикантами и купцами, фабриками и торговыми домами, с национальным производством и торговлей в отдельных полисах, с капиталистической индустрией в V и IV вв., с широко развитой торговлей как носительницей широко разветвленного товарообмена, с меркантилистической колониционной эпохой VII и VI вв.». В результате всего этого у Пельмана получился социализм, в духе социализма современного, возникающий как реакция против капитализма, приводящий к возникновению пролетариата и к переходу от демократии политической к демократии социалистической.

В трудах более близкого к нам времени такой же крайней модернизацией отмечены, в особенности, книга Юра о происхождении тирании и книга Брентано об экономической жизни античного мира⁵. Само собою разумеется, точка зрения Пельмана не оставалась без возражений, сводку которых дает Salin в статье, напечатанной в «Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft» (89, 353 ff.)⁶. В этих возражениях указывалось, что модернизация Пельманом античного мира является как бы *retitio principii*, причем Пельман не дает себе труда дать надлежащее объяснение своей точке зрения, не желает считаться с своеобразием форм античной жизни, стоит, в сущности, на доктринерской позиции, присущей также и другим исследователям, склонным к модернизации античности. Для всего этого направления, говорит Хазебрек,

² См.: *Mommsen Th. Römische Geschichte*. В., 1854—1885. Bd I—3, 5. Рус. перевод: *Моммзен Т. История Рима* / Пер. с нем. под ред. Ф.В. Кипарисова и Н.А. Машкина. Т. 1—3, 5. М., 1936—1941, 1949.

³ Речь идет о представителях модернизаторского направления в немецкой историографии античности — Карле Юлиусе Белохе (1854—1929), Эдуарде Мейере (1855—1930) и Роберте Пельмане (1852—1914).

⁴ Имеется в виду монография: *Pohlmann R. Geschichte der sozialen Frage und des Sozialismus in der antiken Welt*. 3. Aufl. München, 1925. Bd. 1—2. Рус. перевод: *Пельман Р. История античного коммунизма и социализма*. СПб., 1910.

⁵ См.: *Ure P.N. The Origin of Tyranny*. Camb. 1922; *Brentano L. Das Wirtschaftsleben der antiken Welt*. Jena, 1929.

⁶ См.: *Salin E. Staat und Handel in Hellas in archaischer und klassischer Zeit // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft*. 1930. Bd. 89. Ht. 2. S. 353—361. Значительная часть статьи немецкого историка и философа Эдгара Залина посвящена анализу взглядов Хазебрека, высказанных им в книге «Государство и торговля в Древней Греции» (1928).

характерно и то, что с инакомыслящими или мыслившими оно совершенно не желало считаться: «*Griechische Kulturgeschichte*» Буркхардта им просто отвергается (и Виламовиц высказался об этой книге в том смысле, что для историка она не существует), указание Бюхера⁷ о том, что модернистическая картина античной экономики несостоятельна, оспаривается. Последняя, по времени трактовка вопроса о социальном и экономическом строе античности, принадлежащая Макс Веберу (имеется в виду его отдел в книге «*Wirtschaft und Gesellschaft*» в «*Grundriss der Sozialökonomik*», 2 издание — 1925)⁸ ни Пельманом, ни Белохом, ни Эд. Мейером не могла быть использована, а между тем эта трактовка, по словам Хазебрека, является, быть может, самой значительной, что вообще по этой части было сказано. (Замечу теперь же, что сам Хазебрек всего более и стоит под влиянием Вебера, так что его правильнее было бы назвать не бюхерианцем, как его иногда называют, а веберянцем).

Новая книга Хазебрека, как он сам заявляет, примыкает к его книге «*Staat und Handel im alten Griechenland*»⁹. В ней уже Хазебрек попытался наметить основные линии экономической истории доэллинистической Греции. Некоторые из критиков Хазебрека упрекали его в том, что он в некоторых своих утверждениях обобщает состояние империалистических Афин V в., и переносит это состояние ошибочно на всю доэллинистическую экономику, в особенности на ее архаический период. В своей новой книге Хазебрек как раз и разбирает этот период, причем его главная цель — показать, что эллинское общество архаического периода не выдерживает никакого сравнения с городским строем Средневековья и ранней стадии Нового времени. Греческое общество VIII в., по укоренившемуся теперь в науке представлению, стоит на пороге превращения в такое общество, основами которого являются промышленность и торговля; оно близко к превращению в торговую плутократию, в нем возникает промышленно-коммерческое среднее сословие, начинается процесс демократизации. Хазебрек совершенно отрицает такую точку зрения. Он старается доказать в своей новой книге, что греческое общество в архаическую эпоху, по своей сущности, представляет собой скорее военное сословие; его материальная база покоится на земледельческой основе; верхние слои этого общества передают промышленно-коммерческое производство исключительно политикам деградированному общественному слою. При таком взгляде на вещи, замечает Хазебрек, и Спарта выступает из своего изолированного положения. Вообще, говорит Хазебрек, изолированное рассмотрение гомеровской, аттической и спартанской экономики должно было повести к созданию удивительно сложной картины развития греческой жизни в архаическую эпоху. Это отразилось на трактовке греческой жизни также и в последующее время, в V и IV вв., когда решающие основы ее были, в сущности, те же, что и в архаическое время. Поэтому и та государственная утопия, о которой говорят в отношении IV в., является менее утопичной. Нужно помнить, что в античном мире, в противоположность к миру современному, понятие гражданства, гражданского права не тождественно с понятием индивидуальной свободы; что в античном мире существовала большая пропасть между понятием человека, обладающего полной гражданских прав, и так сказать полугражданством, лично свободным, но в своих политических правах стоявшем в числе *inferiores*. А между тем все античное общество покоится на этом полугражданстве и на рабстве. Пропасть, отделявшая полноправное гражданство от полугражданства и рабства, и объясняет все то значение, какое имело в древности получение гражданских прав в полном их объеме.

⁷ Буркхардт Якоб (1818—1897), швейцарский историк культуры, представитель культурно-исторического направления в историографии античности. Речь идет о книге: *Burckhardt J. Griechische Kulturgeschichte*. 3. Aufl. Berlin — Stuttgart, 1898—1902. Bd. 1—4. Виламовиц-Мёллендорф Ульрих фон (1848—1931), немецкий филолог и историк античной культуры; Бюхер Карл (1847—1930), немецкий экономист, представитель так называемой новой исторической школы в политэкономии.

⁸ Вебер Макс (1864—1920), немецкий социолог, историк, философ, экономист и политик, виднейший представитель неокантианства в области методологии общественных наук. См.: *Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft*. 2. Aufl. // *Grundriss der Sozialökonomik*. 3. Abteilung. Tübingen, 1925. Hlbd 1—2.

⁹ Речь идет о книге: *Hasebroek J. Staat und Handel im alten Griechenland: Untersuchungen zur antiken Wirtschaftsgeschichte*. Tübingen, 1928. 208 S.

Дошедшее до нас предание неполно, отрывочно, случайно и часто противоречиво. Каждый старается извлечь из него то, что по его мнению служит подтверждением составленного им на античность взгляда. В этом отношении, кажется, ученое поколение первой половины прошлого века, несмотря на всю предвзятость его идеалистических тенденций, в некоторых отношениях смотрело на античность правильнее, чем это делало более позднее поколение, так как первое было в состоянии легче понимать античного человека в его целостности. В наше время мы (имеется в виду сам Хазебрек и те, кто стоит на более или менее одинаковой с ним позиции), конечно, стремимся отнестись к античности по новому и, опираясь на одни и те же источники, приходим к совершенно различному её пониманию. Положение — почти трагическое, но, заявляет Хазебрек, кто подходит к этим источникам без предвзятых предпосылок, должен будет придти к тому выводу, что эти источники не в состоянии никоим образом оправдать модернизирующего направления при трактовании истории античного мира. В какой сильной степени переоценивали эти источники, старались вычитать в них то, чего в них нет, это показал на ряде убедительных примеров Бюхер в своих «Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte» (1922)¹⁰. И еще об одном Хазебрек предупреждает: состояние наших источников, особенно для архаического периода Греции, таково, что придти к вполне точному и определенному решению тех или иных вопросов положительно нет возможности. Поэтому и сам Хазебрек не смотрит на предлагаемое им решение тех или иных вопросов, как на нечто окончательное и незыблемое; он предвидит неизбежность «дискуссии».

Таковы основные мысли, изложенные Хазебреком в предисловии к его книге. Сама она построена и компонована с достаточной наглядностью. Книга состоит из трех основных отделов. Первый носит заголовок «Родовое общество», т.е. эпоха господства родовой знати. В этом отделе последовательно рассматривается «Гомеровское хозяйство и общество», «Беотия», «Аттика», «Спарта» и в заключение дается подробная «Общая картина» знати родового общества. Наличие последнего отдела, сводящего в одно целое то, что давалось раньше, объясняется не только материалом, доставляемым источниками, но также и стремлением трактовать этот подраздел как одно замкнутое в себе целое, так как оно, это целое, имеет важное значение для уяснения последующей стадии архаической эпохи. Второй отдел озаглавлен «Возникновение аристократического общества и полиса в политическо-социальном смысле»; в этом отделе два подраздела: 1) Выступление крестьян и полис гоплитов; 2) Выступление безземельных и демократический город. Третий отдел озаглавлен «Хозяйство и общество в VI в.», в нем подразделы: 1) общество; 2) хозяйство (помимо Спарты и Крита, которые выделены в особый подотдел).

Я уже сказал, что книга Хазебрека — содержательная книга и построена на привлечении большого материала, доставляемого источниками, которые автором проработаны вполне самостоятельно. Он не ставит себе задачу указывать [их] в тексте или в подстрочных примечаниях обязательно все, но главное, содержащееся в источниках, Хазебрек обязательно указывает, так что всякое из основных его положений всегда можно проконтролировать. Фактов, доставляемых источниками, приводится много, и эта фактичность изложения в книге Хазебрека значительно осложняет задачу референта, если он не хочет злоупотреблять вниманием, которое всегда рассчитано на определенную порцию времени, по истечении которого внимание неудержимо притупляется. В своих ссылках на новую литературу Хазебрек ограничивается теми работами, которые он считал, в том или ином отношении, для себя важными, отсылая за подробной библиографией к «Griechische Staatskunde» Бузольта¹¹, где она приведена в большой полноте. В противоположность к своей предыдущей книге, где археологическому материалу было уделено более чем скромное место, в новой книге Хазебрек постоянно с ним считается, но берет его, так сказать, оптом, а не в розницу, и берет в общих чертах. Вообще чувствуется, что в области археологии Хазебрек не чувствует себя вполне дома, а вынужден брать то, что он находил в общих пособиях, а не в специальных исследованиях. Вообще, не в укор Хазебреку будет это сказано, археологического материала он не проработал, да

¹⁰ Точнее: *Bücher K. Beiträge zur Wirtschaftsgeschichte*. [Tübingen], 1922.

¹¹ См.: *Busolt G. Griechische Staatskunde*. 3. Aufl. // *Handbuch der Altertumswissenschaft*. Hrsg. von I. von Mueller. München, 1920—1926. Ht. 1—2.

и не мог проработать так тщательно, как это сделано им в отношении источников литературных. Эпиграфического материала для разбираемой в книге темы, как известно, слишком мало, но все существенное для целей автора из этого материала взято и утилизировано.

Перехожу теперь к ознакомлению, конечно общему, а не детальному, с самой книгой. После короткого вступления, где Хазебрек говорит о возникновении греческого общества и где он указывает как на исходный пункт всякой частной собственности, и для древнейшего греческого общества прежде всего, на скотоводство. Земельная собственность могла возникнуть в полной мере лишь в стадии завоевания, после которого состоялся переход к оседлому образу жизни. Существование первоначальной коммунистической собственности, как показали работы Oertel'я, Guiraud¹² и др., для греческого мира доказано быть не может. И для древнейшей стадии развития греческого общества можно допускать существование трех отдельных классов: знать, свободные и рабы; посредствующее место между свободными и рабами занимают обедневшие, попавшие в зависимое положение сородичи. В эту древнейшую эпоху, когда греки осели прочно на занимаемых ими местах в историческое время, обратиться к морю натолкнули греков не торговые цели, но грабительские походы, поскольку они стояли в соответствии с «военным настроением» всего народа и его высшего слоя. Внутри Балканского полуострова создалось то, что мы называем греческим (*das Griechentum*), лишь в самой Элладе переселившиеся предки греков стали эллинами. Сколько времени заняло это переселение, мы не знаем, и можно сказать лишь одно, что во время этого переселения и в первоначальную эпоху оседлости происходил переход от неолита к бронзе. Этими краткими замечаниями ограничивается Хазебрек, давая характеристику, так сказать, доисторического периода Греции и затем переходя к так называемой гомеровской эпохе.

А критско-микенская, эгейская, элладическая культуры, спросите вы? Хазебрек их совершенно не касается и своего молчания не объясняет. На мой взгляд, оставляя в стороне догомеровскую эпоху, Хазебрек поступает рационально. И вот почему. За последние десятилетия материал для этой культуры вырос чрезвычайно; можно сказать, эта культура стоит в центре внимания всего ученого мира. Но насколько прочные и точные выводы можно было бы сделать для всей этой эпохи, охватываемой этой культурой, по тем основным вопросам, которым посвящена книга Хазебрека — это еще сказать нельзя. Изучение этой культуры открывает широкое поле для предположений, переходящих иногда в фантазии, но более или менее прочно установленных фактов все еще нет, или их очень мало. При рассмотрении гомеровского социально-экономического быта предстояло прежде всего определить свою позицию в отношении нашего главного и единственного источника, на основании которого характеристика эта может быть построена. Свою точку зрения на гомеровский эпос Хазебрек формулирует примерно так. Гомеровский эпос, конечно, не может быть использован без известных оговорок, для уяснения экономических и социальных отношений той эпохи, которую гомеровский эпос воспроизводит. «Илиада» и «Одиссея» не представляют собою того, что можно было бы назвать монолитной концепцией. То, что было зафиксировано в письменной форме для обеих поэм на повороте от VIII к VII в., покоится на предшествующей устной традиции, сохранившей часто, наряду с остатками давно уже исчезнувшей поэзии, последнее воспоминание о далеком предшествующем времени, так что в поэмах переплетаются более старые и более молодые слои. Но и после того, как поэмы были письменно зафиксированы, в VII и в VI вв., над ними продолжалась работа. И в географическом отношении об единстве в поэмах не может быть речи. Правда, в их окончательной форме «Илиада» и «Одиссея» созданы в Малой Азии, их первая родина — при дворах царей Ионии, и поэтому они обрисовывают прежде всего природу средней береговой полосы Малой Азии, и их сведения о Западе не велики; но сама греческая сага дана в них в той форме, в которой ее принесли с собою греки, переселившиеся из материковой Греции в Малую Азию; и боги Клиаф и Одисей, вместе с их героями, обитали не в Малой Азии, а в материковой Греции (NB. Тут

¹² См., например: Guiraud P. La propriété foncière en Grèce jusqu'à la conquête romaine. P., 1893.

должна быть сделана оговорка: не все боги — это с достаточной убедительностью показал Нильсон и вслед за ним Вилламовиц в своей «Glaube der Hellenen»¹³, которой Хазебрек не мог еще воспользоваться). Таким образом часто нельзя сказать, имеет ли значение то или иное экономическое и социальное явление исключительно только для Востока, а не для Запада, или что оно — это, впрочем, встречается редко — имеет значение только для Запада. И, наконец, и в гомеровском эпосе, как и при всяком поэтическом произведении, пред нами вопрос: поскольку эпос дает историческую действительность и поскольку он дает поэтическую фантазию, поскольку в нем играет свою роль известная стилизация, сказочность. Однако, учитывая все это нельзя отрицать, что авторы поэм и их рапсоды, при все еще живых воспоминаниях, в отдельных случаях о мифическом прошлом, при всякого рода поэтических прикрасах, в основе могли рассказывать об этом прошлом, лишь исходя из представлений своей собственной эпохи и среды. Поэтому нужно думать, что и «Одиссея», возникшая в конце VIII и в VII в., и «Илиада», предшествующая ей, отражают реальную действительность VIII и первой половины VII в. Нужно только отрешиться при этом от тех ложных представлений, при которых рисуются VIII и VII вв. как века с высокоразвитой промышленностью и торговлей. Гомеровские поэмы, возникшие при дворах ионийской знати, воспроизводят пред нами только картину аристократического общества, интересы которого и стоят поэтому пред поэтом на первом плане. Поэтому все те, кто не касается знати, упоминаются поэтом как менее заслуживающие или даже незаслуживающие упоминания. С той постановкой вопроса об использовании гомеровских поэм, как исторического источника, какую дает Хазебрек, согласиться в общих чертах можно. Важно, во всяком случае, подчеркнуть, что Хазебрек, будучи историком, считает не только не излишним, но даже необходимым быть au courant и по вопросам строго филологическим.

С большою тщательностью Хазебрек собрал и разобрал все данные, имеющиеся в гомеровском эпосе для характеристики социально-экономического уклада так называемой гомеровской эпохи. Опуская подробности, перечисление которых завлекло бы меня очень далеко, я могу сообщить только основные черты картины, восстанавливаемой Хазебреком и подкрепляемые им постоянными и многочисленными ссылками на «Илиаду» и «Одиссею». В политическом отношении гомеровское государство представляло собою «военное государство», Heerkönigtum, по образцу древнегерманского государства — тут Хазебрек примаыкает к Нильсону — могучее только во время войны, но менее могучее во время мира. Гомеровский быт — земледельческий быт, и потому имущественные отношения гомеровской знати основываются в первой линии на земледелии и скотоводстве. В земледельческой культуре нужно различать две категории: с одной стороны, культуры хлебных злаков, пшеницы и ячменя, с другой стороны — виноделие, маслоделие и огородничество. Наряду с земледелием важное место занимает садоводство. В больших размерах практикуется скотоводство и связанное с ним пастбищное хозяйство. Остальное движимое имущество знати состоит из благородных металлов и художественных предметов. Имуществом знати являются также и рабы, δμῶν, в особенности рабы женского пола, которые служат не только наложницами, но и пригодны как техническая рабочая сила и как прислуга. Рабы-мужчины упоминаются в эпосе в тех случаях, когда та или иная работа не приспособлена к физическим силам женщины; в особенности это относится к полевым работам, но и только исключительно на пастбищах и в садоводстве, никогда не в земледелии, которое у Гомера обслуживается исключительно наемными рабочими. Все это приводит к заключению, что рабство в гомеровскую эпоху имело только умеренные размеры. «Раба приобретает и содержит эта эпоха, не знающая еще развитого ремесленного труда, постольку, поскольку в рабе является непосредственная необходимость, т.е. поскольку он более производит, чем сколько стоит его пропитание». Обращение с рабами гуманное; возможно даже предполагать случаи отпущения рабов на волю, хотя самое понятие такого отпущения в гомеровских поэмах не зафиксировано. В общем, гомеровское хозяйство — замкнутое в себе оikosное хозяйство, самоудов-

¹³ См.: Nilson M.P. A History of Greek Religion. Oxf., 1925; Wilamowitz-Möllendorf U. von. Der Glaube der Hellenen. Bd 1—2. B., 1931—1933.

летворяющее все свои нормальные потребности и ничего не производящее сверх того, что потребно для него самого. Наряду с землевладением источником благосостояния гомеровской знати [были] и целые города и местности, которые, после их завоевания, подлежат разделу между выдающимися знатными, причем львиная доля тут выпадает царю. Но гомеровская знать не представляет собой мирных крупных крестьян (Grossbauer) и обладателей стад. Они не пользуются своими земельными угодьями, своими стадами для того, чтобы извлекать из всего этого какие-либо барыши. Содержание их жизни наполнено либо войною, которая в это время является неприкрытым разбоем, либо досугом (охота, пиры, военный спорт, музыка, ремесло для препровождения времени). И рабами их являются в первую очередь военнопленные, а не покупные рабы. Знать и ее цари владеют и кораблями, но эти корабли служат у них не для торговли, а для пиратских целей.

Знати противостоит отделенная от нее глубокой пропастью масса свободного населения, народ, δῆμος, λαός, не-обладающий каким-либо политическим значением. При таком их положении трудно было бы ожидать от эпоса каких-либо точных сведений об их социальном быте. Лишь намеки имеются в эпосе о сословии свободных крестьян и пастухов, обладавших, вероятно, небольшой земельной собственностью, или только стадом, имевших лишь самое простое военное снаряжение. Существовали ли наряду с мелкими крестьянами арендаторы, решить нельзя.

Более сведений имеется о самом низком слое свободных, о фетах (реже ἑρῖφος). Это, как правильно объяснял схолиаст к «Одиссее» (IV, 644), «хотя и свободные, но служащие за плату, κτοῦρος». Богатый человек имеет для себя, для работ не только рабов, но и фетов, которые являются, однако, не крепостными, а лишь обедневшими крестьянами. О крепостных отношениях у Гомера нет никаких следов — так судили и до Хазебрека большинство ученых. И лишь Пёльман в «Altertum und Gegenwart»¹⁴ говорит о гомеровском крепостничестве. К свободному же населению, наряду с фетами и мелкими крестьянами, принадлежат также свободные ремесленники. Происхождение всякого ремесла должно искать в ремесленной работе для собственных потребностей внутри замкнутого домашнего хозяйства, при этом как древнейший вид специализации ремесла является строгое разделение работ между мужчиной и женщиной (Max Weber). Гомеровский быт знает только женское ремесло — всякого рода исключительные работы, исполняемые для потребностей хозяйства, в котором эти работы происходят. Но у Гомера упоминаются и другого рода ремесленные работы, исполняемые для домашних нужд, — это плотничьи работы (пример — Одиссей — мастер, что называется, на все руки). Если ремесленная работа становится производством с целью получить от нее выгоду, только тогда можно говорить о ремесле как таковом. Ремеслу нужно учиться, в нем нужно специализироваться. Но тот, кто должен был получать выгоду от такого рода работы, был или лицом, ничем не владеющим, или калекой, или иноземцем, во всяком случае, одним из inferiores, хоть бы он даже лично и был свободен. Прорицателя, врача, певца, плотника, всех этих демиургов — всех их зовут из чужих краев. При этом всякое ремесло, требующее большой выучки, признается первоначально стоящим под воздействием магии. Это в особенности приложимо к профессии кузнецов и врачей, которые поэтому уже у Гомера имеют каждый своего покровителя — бога. Но помимо этих ремесленников у Гомера упоминается еще целый ряд других. Но их всех землевладелец приглашает на службу, подобно тому, как он нанимает фетов. Таким образом, работа ремесленников в каждом отдельном хозяйстве является «странствующей работой», Wanderarbeit. Знает ли гомеровское хозяйство такую ремесленную работу, которая продается потребителями, — на этот вопрос эпос точного ответа не дает, но большая часть могущих быть привлеченными для ответа указаний дает скорее ответ отрицательный. Если все перечисляемые в эпосе ремесленники и называются демиургами, т.е. исполняющими свою работу для δῆμος'а, то это еще не доказывает, что они были ремесленниками в нашем смысле, ибо их работа может быть названа работой для δῆμος'а, общественною работою, поскольку она производится в различных хозяйствах одновременно или последовательно, т.е. переходя из одного хозяйства в другое. Поэтому о ремесленном сословии, как

¹⁴ Точнее: Pöhlmann R. Aus Altertum und Gegenwart. München, 1895.

таковом, говорить не приходится для гомеровского быта. Гомеровские демиурги не только не имеют земельной собственности, но они не принадлежат даже и к собранию мужей, ἀγορά, не принимают никакого участия в государственной жизни, не принадлежат к филам и фратриям. Уже раньше Finsler, Guiraud, Glotz, Nillson указывали на существование у Гомера «странствующего пролетариата», vagabundierendes Proletariat. Эти люди называются у Гомера μεταβάσται. Хазебрек, по-моему, неправильно переводит этот термин, «Mitwohner», но он прав, когда в μεταβάσται усматривает самые ранние следы греческих метеков, которые также были лично свободны, но участия в государственной жизни не принимали, земельной собственности не имели и, в противоположность полноправным гражданам, были именно представители ремесленного сословия.

Подобно ремеслу и торговля, в соответствии с замкнутым характером домашнего хозяйства, играет у Гомера незначительную роль. Все нормальные жизненные потребности удовлетворяет это хозяйство; все, что выходит за пределы этих потребностей, также излишний скот и рабов, доставляет либо войны (т.е. разбой по терминологии Хазебрека), либо получается в результате дарения — последнее, как показывают многочисленные примеры, было очень распространено. Замечательно, что в гомеровском языке отсутствуют даже термины, служащие для обозначения купца (ἔμπορος — тот, кто совершает плавание (πῆρος) по морю в качестве пассажира на корабле судовладельца), нет и термина для обозначения рынка в экономическом смысле (ἀγορά — исключительно место для собраний). Нет и следа сооружения искусственных гаваней. Морские путешествия Менелая, Одиссея, Ментеса — не торговые, а корсарские путешествия. Всякая торговля в своих начальных стадиях — явление интерлокальное и происходит не между лицами, принадлежащими к одному и тому же племени, но обращается только к тем, кто к этому племени не принадлежит (M. Weber). В поздних слоях эпоса, в Одиссее, морская торговля, торговые поездки — обычное явление, но торговцем тут выступает финикийнин. Гомеровская же знать так мало была заинтересована в торговле, что она даже излишки своей сельскохозяйственной продукции не посылает на рынок. В деньгах такая хозяйственная жизнь, какая рисуется у Гомера, с ее слабо развитым обменом, не нуждалась: благородный металл хранился в сокровищницах. Обменной единицей, как еще в эпоху кочевнической жизни, служит преимущественно скот (числом голов скота определяется стоимость покупаемой и продаваемой вещи). Металл (золото, медь, железо) как меновая ценность, по-видимому также получил права гражданства, хотя детали тут и не поддаются точному определению, в особенности значение гомеровского золотого таланта.

Я счел важным изложить, как представляет себе Хазебрек гомеровскую эпоху потому, что она, как видно будет дальше, является для него отправным пунктом для выяснения общественно-хозяйственных отношений в последующие эпохи, вплоть до V в. Лишь в V в., с эпохой империализма, можно установить не совсем все же то, что до V в. представляет собою дальнейшее и органическое развитие гомеровских социально-экономических отношений.

В противоположность Гомеру, Гесиод (начало VII в.) говорит не о знати, а о бедных крестьянах и пастухах, своих сословных товарищах. И если у Гомера центр тяжести — малоазиатский мир, то у Гесиода взоры обращены только на Беотию. Ее государственный строй сходен с гомеровским: ряд самостоятельных царств, независимых от верховного царя. И в хозяйственном отношении тот же параллелизм: зерновые злаки, с одной стороны, древесная культура — с другой. И у Гесиода важная роль, в смысле предмета владения, отведена скотоводству, рабской силе (διδες), и там, где встречается раб, он не слуга в доме, а сельский работник. С одной стороны — мелкое крестьянство, с другой — знать «рыцарского характера», обладающая конем. И гесиодовская знать, так же, как и гомеровская, владеет кораблями. Пропать между знатью и простым народом подчеркивается Гесиодом очень решительно, и то, что у Гомера можно только предполагать, то выступает явственно у Гесиода: это экономическая зависимость крестьянина от знатного — первый в большом долгу у второго. Однако о крепостничестве и Гесиод ничего не сообщает. По указаниям Гесиода мы должны принять, что беотийская знать вела свое хозяйство, так сказать, для собственных нужд. И у Гесиода, также как и у Гомера, феты, «странствующий

пролетариат из числа иноземцев», ξένοι к составу которого принадлежат и демиурги: кузнец, горшечник, плотник, певец. И в гесиодовском хозяйстве ремесленная деятельность не идет дальше удовлетворения потребностей хозяйства. И у Гесиода живут в городах, но он называет, в отличие от Гомера, в одном месте, правда признаваемом многими за интерполяцию, и деревню, κωμῆ. В одном пункте Гесиод резко отличается от Гомера: у него впервые встречается упоминание о производстве и для рынка, и притом для рынка иноземного, но производится эта «наутилия» и «эмпория» только с тою целью, чтобы «избежать задолженности и голода». Таким образом, это торговля только земледельческими продуктами, это «сезонная торговля», а не профессиональная торговля. И конечно, гесиодовские богачи в этой «сезонной торговле» совсем не заинтересованы. Гесиодовская знать, как и гомеровская, богатеет либо от «дарений», либо от войны —разбоа.

И для Беотии начала VII в., также как и для гомеровского мира, дать ясную картину социально-экономических отношений было не трудно. Мы имеем дело с одним источником, может быть также не свободном от более поздних наслоений, и что еще хуже и, несомненно, подвергшимся в некотором случае интерполяции. Но зато при сравнении Гомера и Гесиода приходится учитывать одно обстоятельство, к удивлению, но не интересующее Хазебрека. Поэма Гесиода — плод индивидуального, а не коллективного творчества, как Илиада или Одиссея. И с тем, что «Работы и дни» сочинены одним Гесиодом, конечно, считаться следует, в особенности, если принять во внимание, что Гесиод хотел не только живописать, но и поучать тому, как надо жить. Я не склонен был бы считать поэму Гесиода тенденциозным произведением за то что бы то ни стало, но несколько морализирующую тенденцию ее, при пользовании ею как историческим источником, все же иметь в виду не мешает.

По соседству с Беотией Аттика. Тут для древнейшей истории ее у нас нет ни Гомера, ни Гесиода. Вместо монолита — ряд разрозненных камней и камешков, и по ним не так-то легко и просто воссоздать ясную картину. И зияющие в нашем предании лакуны приходится восполнять более или менее вероятными предположениями.

Так уже для самого начала древнейшей истории Аттики приходится предполагать, что переселенцы в Аттику в первой стадии своей оседлости стояли под началом верховного царя и четырех племенных князей (сравни более поздних 4-х φιλοβασιλεῖς); постепенно, по мере оседания все знатные, наряду с этими князьями, стали самостоятельными. Во всяком случае воспоминание о расчленении Аттики в течение долгого времени оставалось в силе (Фукидид, II, 15). Позднее, может быть в IX или в VIII в., возвысились Афины, что предание связывало с именем Тесея. Этот Тесеев синойклизм представлял собою только политическое объединение отдельных πόλεις Аттики со средоточием в Афинах, причем эти πόλεις снизошли теперь на положение κωμῆς, общин без самостоятельной политической жизни. При этом аттическая знать все более и более концентрировалась в Афинах. Отличие порядков, сложившихся в Аттике, состоит в том, что в противоположность гомеровскому и беотийскому быту, где в городах жила и знать, и народ, в Аттике в πόλιν^е жила только знать, а народ же, по крайней мере в своей большей массе, жил по аттическим κωμῆς. В экономическом отношении в Аттике та же картина, что у Гомера и Гесиода. Крупные земельные собственники живут в поселении городского типа, а их земельные угодья, которые они сами обрабатывают или сдают под обработку, расположены в большем или меньшем расстоянии от городского поселения. Царская власть постепенно падает, и хотя списки ежегодных «архонтов» наша традиция приурочивает к 683/682 гг., но переход от монархического к республиканскому строю начался вероятно раньше, может быть еще в VIII в., причем предание о пожизненном архонте, а затем о десятилетних архонтах представляет собою, по мнению Хазебрека, «схематическую конструкцию». В ареопаге и в ежегодно сменявшейся трехчленной коллегии архонтов (фестмофеты учреждены позднее) сосредоточивается сила и влияние знатнейших, солидарных между собою аттических родов, обладавших независимой властью и наибольшими земельными угодьями; они же являются обладателями стад. Сверх того, как у гомеровской, так и у аттической знати большую роль играет обладание конем. Вообще же гомеровское ойкосное хозяйство должно было долго господствовать в Аттике. Можно предположить, что как гесиодовский, так и аттический мелкий

крестьянин избыток своей сельскохозяйственной продукции выносил и на рынок, а также при обстоятельствах, и за пределы Аттики, так как запрещение вывозить из Аттики сельскохозяйственные продукты, за исключением масла, восходит лишь к Солону.

Аттическую традицию о делении населения Аттики на три сословия — евпатридов, агроиков и демиургов — Хезебрек считает лишь гипотезой, возникшей в значительно более позднее время. Ибо откуда, задает он вопрос, могли проистекать столь точные сведения о древнейшей Аттике? Но свидетельство это восходит к Аристотелю, пользовавшемуся Аттидами, и позволительно спросить Хезебрека, неужели он знает древнейшую аттическую историю лучше, чем знала ее древность. Между тем по Хезебреку выходит так, что евпатриды появились потому, что они так именуются в трагедии; что остальное население должно было представлять крестьянство, ясно само по себе (так появились агроики), а демиургов же нашли у Гомера. Согласитесь, что так объяснять возникновение традиции было бы делом совсем простым, но едва ли правильным. Но Хезебреку важно доказать, что демиургов нельзя понимать как ремесленников в нашем смысле, а только как низший, безземельный, пролетарский слой вообще, к которому принадлежат также и сельские поденщики. Это следует из того, что по свидетельству Плутарха (в «Тесеусе»), преимущество второй группы состояло в их лучшем пропитании, а преимущество третьей группы только в их массе. С другой стороны, по свидетельству «Anecdota» Беккера¹⁵ демиурги назывались также эпигеоморами. Этот термин Хезебрек толкует как «находящиеся при геоморах, земельных собственниках» (аналогия $\epsilon\pi\acute{\iota}\kappa\lambda\eta\rho\varsigma$, но следовало бы прежде всего подвергнуть анализу самый термин «геомор»). При отсутствии надежной традиции о разделении и положении населения Аттики, исключая его верхний слой — знати, лучше всего исходить, по Хезебреку, из гомеровско-гесиодовского быта и из отношений, сложившихся в Аттике во вторую половину VII в. Ко времени Солона аттическое крестьянство настолько упало, что оно в конце концов вообще утратило свою свободу, так как возобладали крупные собственники из среды знати, закабалившей постепенно мелкое крестьянство. Что касается гектаморов, то Хезебрек, в согласии с некоторыми исследователями, видит в них крепостных, плативших землевладельцу 1/6 часть урожая. Наряду с крестьянами были еще феты и ремесленники. Последние, как и гомеровские демиурги, были большей частью странствующими ремесленниками. Никакого организованного ремесленного сословия в древнейшей Аттике не было. Точно также нельзя говорить и о существовании в эту пору аттической заморской торговли. Вывоз глиняной посуды начинается только с VI в., а импортом предметов роскоши Аттика обязана все тем же финикийским купцам. Непричастна до VI в. Аттика и к колониационному движению. Очевидно, тогда почва Аттики еще могла прокармливать свое население, хотя нижние слои его, вероятно, питались скудно. Что никакого «среднего сословия» в Аттике тогда не было, равно как не было «фабрикантов», «торговой и промышленной аристократии», об этом и говорить не приходится. Еще солоновское государство в начале VI в. было государством чисто сельскохозяйственным. О делении аттического гражданства на филы, фратрии и роды ничего нового Хезебрек не говорит. Отмечу лишь, что существование навкратов и навкраий при господстве аттической родовой знати Хезебрек а limine отвергает.

От Аттики Хезебрек обращается к Спарте. Здесь он имел хорошую сводку и обсуждение материала в сравнительно недавно вышедшей книге Kahrstedt'a¹⁶, с которым, впрочем, далеко не во всем соглашается. Спарта — город, как сосредоточение знати (Herresits) возникла, вероятно, в результате синоикизма сельских общин, может быть, не ранее VIII в. Сначала во главе ее стояли цари как предводители вторгнувшихся в Спарту племен, но постепенно, по мере того, как население ее приобрело оседлый характер, спартанские цари утрачивают свою силу и превращаются просто в должностных лиц. Строго говоря, Спарта — республика. Эфоры достигли политического влияния значительно труднее; первоначально они были эпонимными культовыми должностными лицами. Происхождение царского

¹⁵ См.: Bekker I. Anecdota graeca. T. 1—3. B., 1814—1821.

¹⁶ Речь идет о книге: Kahrstedt U. Griechisches Staatsrecht. Bd I. Sparta und seine Symmachie. Mit vier Exkursen über der kretischen Staat, das korinthische kolonialreich, das Wesen des archaischen Staates, die Amphiktyonie von Delphoi. Göttingen: Vandenhoeck, 1922. 443 S.

двоевластия в Спарте остается неясным. По мере ослабления царской власти возвышается знать, имеющая свой орган, герусию, наряду с которой апелла — собрание всей общины не имело никакого или имело очень малое значение.

Спартанское государство возникло в результате завоевания и подчинения уже ранее сидевшего в Лаконике крестьянского населения. Социальное «равенство» спартанского общества — продукт длительного и более позднего развития. В VIII—VII вв. и в Спарте господствует феодальная родовая знать (мысль, высказанная Glotz'ем¹⁷ и M. Weber'ом). Экономического равенства в Спарте вообще никогда не существовало. В особенности нельзя говорить об «аграрном коммунизме» ни для древней спартанской знати, ни для более поздних *ἄποιοι*. Может быть в Спарте, как и повсюду в греческом мире, завоеванная страна была разделена на равные, точнее одинаковый доход приносящие участки, *κλήροι*. Деление этих участков между членами племени привело к частной земельной собственности. Во всяком случае, понятие ее существовало в Спарте искони, и отсюда его неизбежное следствие: экономическое неравенство. Вследствие порабощения покоренного туземного населения в Спарте возникла так называемая илотия, и вместе с нею основанная на крепостничестве спартанская крупная земельная собственность.

Крепостные отношения мы встречаем в это время также и помимо Спарты. В конце VII в. илоты, как следует из Тиртея, платили 1/2 со всего приносимого землю. Окончательное установление илотии последовало в конце VIII в. в результате первой мессенской войны, когда и покоренные мессенцы, составлявшие главную массу илотов, были обращены в крепостное состояние. Что касается переиков, то их государственно-правовое положение указывает и гомеровскую аналогию. У нас есть указания, [что] спартанские переики представляли собою покоренное туземное население, жившее в городах Лаконики. Они не были обращены в илоты только потому, что жили в укрепленных поселениях, расположенных на периферии Лаконики, которыми победители пользовались для оборонительных целей; в то время как города в области самой Спарты они разрушали. Переики не были ни ремесленниками, ни торговцами, они занимались земледелием и подати в Спарту платили натурою. Спарта все время оставалась типичным землевладельческим государством знати, спартанское хозяйство — ясно выраженное аграрное хозяйство, с присоединением к нему скотоводства и обладания рабами. Промышленность и торговля играли в Спарте VIII—VII вв. ту же роль, что и [в] современной ей Аттике, причем импорт был в руках финикийских купцов.

В следующем большом отделе Хазеброк дает общую картину социально-экономического состояния греческого мира в VIII и первой половине VII в., объединяя эскизы, набросанные им на основании данных гомеровского эпоса, Гесиода, сведений, относящихся к древнейшей Аттике и Спарте, присоединяя к ним и те единичные и разрозненные сведения, которыми мы располагаем для других мест греческого мира за то же время. Эта эпоха — эпоха аристократического общества, *Adelsgesellschaft*, в котором руководящая роль принадлежит аристократическим родам, как сословию крупных земельных собственников. То же самое можно наблюдать и в колониальных областях, в особенности в южной Италии, Сицилии, на Халкидике. В связи с землевладельческим характером знати стоит и представленное многочисленными примерами крепостничество (помимо Спарты, Крит, Аргос, Сикион, Эпидамн, Византий, Гераклея Понтийская, Сиракузы, Фессалия, Беотия, Приена, Милет, Хиос, Самос). Положение греческих крепостных не отличается принципиально, несмотря на массу различных деталей, от положения крепостных в средние века. Крепостной труд используется в земледелии, скотоводстве, садовой культуре. Что касается земледелия, то было бы ошибочным измерять его теперешним масштабом. Гомер и Гесиод еще не знают металлического плуга; в IV в. еще господствовала двухпольная система. Из злаков обрабатывали главным образом ячмень, служивший основным средством пропитания. Точно также при разведении скота главным образом разводился мелкий скот: овцы и козы. Типичным выражением аграрной основы, на которой базировалось господство родовой знати, служит то значение, какое имело коневодство: конь является существенной составной частью

¹⁷ См., например: Glotz G., *Cohen R. Histoire greque. I. Dès origines aux guerres médiques*. P., 1925.

военного снаряжения знати; конем не пользуются для работы или для транспорта. Рабство в описываемую эпоху имело еще сравнительно незначительные размеры. Нет во всяком случае никаких доказательств того, что рабами пользовались в большом количестве для земледелия или для ремесла, но исключительно для собственных потребностей. Каких-либо следов обобщественной собственности между отдельными родами или семьями в Греции и в последующие эпохи нельзя доказать. Греция знала только частную собственность.

Материальная культура в VIII и в первой половине VII в. носит все еще примитивный характер. Уже это одно должно предостеречь от переоценки форм хозяйства в эту эпоху, поскольку эти формы являются по существу выражением материальной культуры. Точно также письменность тогда была мало распространена, и ею пользовались исключительно для практических целей (списки эпонимных магистратов, надгробия, всего лишь одна надпись на вазе, называющая художника).

Греческая знать, по своему существу, — военное сословие, военный союз. Об этом свидетельствует весь уклад быта, ее поэзия, сага агонистики, сисситии, вся политическая история ее отношения к *inferiores*. «Милитаристический» характер знати можно проследить не только в Аттике и Лаконике, но также и в других областях, в Аргосе, в Коринфе, в Эретрии на Халкиде. Повсюду, где только [сохранилось] разрозненное предание, мы видим, что знатные роды описываемой эпохи находятся между собою в воинственном соперничестве и стремятся, по мере сил и возможности, подчинить себе тех, кто раньше пользовался большим или меньшим значением. Об общих военных предприятиях за эту эпоху предание сохранило известие лишь об одном: это война за плодородную Лелантскую равнину на рубеже VIII и VII вв. между халкидскою и эретрийскою знатью, причем на стороне Халкиды стоят Коринф, Самос, Фессалия, на стороне Эретрии — Милет, Мегара, Эгина. Не прекращается в то же время и борьба против иноземных племен, протекающая главным образом в Малой Азии (против киммерийцев, фригийцев). Одновременно с борьбою на суше за обладание новыми землями идет борьба за обладание морем, что побуждает знать обратить внимание на развитие морской техники, на обзаведение кораблями, на всякого рода предприятия, связанные с морской стихиею (дипилонские вазы полны изображений морских битв). В описываемую эпоху и развивается так называемая талассократия. Ее проявлениями являются не только военные предприятия, но и пиратство, и всякого рода морские авантюры. В связи с этим освоением моря должна быть поставлена начавшаяся в середине VIII в. колонизация. Повод к ней, как и в своем предшествующем труде, Хазебек видит исключительно только приобретение новых плодородных земель, а не какие-либо торговые интересы, предпосылки для которых в это время совершенно отсутствуют (на той же точке зрения стояли раньше Бюксеншютц, Белох и Guiraud, теперь с особою настойчивостью на это указывает Glotz, с тою только разницею, что по мнению Glotz'a, наряду с приобретением новых плодородных земель стояли и торговые интересы, становится также и опорным торговым пунктом для метрополии). Греческая колонизация VIII и первой половины VII в., замечает Хазебек, есть результат избытка (*überschüssig*) народных сил, наступившего после эпохи переселений покоя и связанного с ним увеличения народонаселения. Недостаток земли в метрополиях побуждает излишек населения искать ее в колониях — так на это смотрели уже древние. Самая борьба между знатными родами свидетельствует также о все возрастающей нужде в земле. Побудительными причинами к колонизации были также не всегда неудачные войны против варваров в Малой Азии, внутренние распри, наконец, также и тот «странствующий пролетариат», который искал себе постоянного *ped à terre*. Колонисты стекаются со всех сторон и из всех слоев. Географическое положение основываемых колоний также указывает на то, что происхождение их не должно связывать с коммерческими мотивами: колонии основываются не только на морском берегу. О том, что знать играет руководящую роль при основании колоний, свидетельствуют старые легенды о Нелидах, Гераклидах и т.п. Знать руководствуется при этом не только стремлением создать для подвластной ей массы новые основы для существования; ею руководят также и эгоистические мотивы — приобретение для себя на стороне новых земельных участков. В некоторых случаях колонизация является просто результатом военной авантюры — пример — основанный в середине

VII в. Навкратис, развившийся из поселения там наемников Псамметиха. Те центры, откуда выходит колонизация, вовсе не были обязательно богатыми торговыми центрами. Это были центры, достигшие наиболее высокого культурного развития, густонаселенные, с сильной и предприимчивой знатью, с сильным воинственным и мореходским духом, овладевшие большой осведомленностью о море, но при всем этом не имевшие за собой обширного Hinterland'a. В колонизации не играют никакой или играют малую роль Спарта, Аргос, Афины, Фивы, Фессалия, Элида. Четыре пункта на греческом материке играют главную роль в колонизации: Халкида, Эретрия, Коринф и Мегары, в особенности Халкида и Коринф. Для всех них засвидетельствована та важная роль, какую в них играла знать. В Малой Азии руководящую роль в колонизации играет Милет, аристократию которого хотели сделать торговой аристократией, но таковой она никогда не была, как то же надо сказать об аристократии в остальных малоазийских городах, хозяйственная жизнь которой основывалась на земледелии, скотоводстве и садовой культуре, а на островах в особенностях на виноградарстве. Уже Guiraud указывал, что греческая знать обратилась к торговой деятельности в силу «*pressante necessité*» и в стадии ее упадка. Аристократия, носительница греческого господства родовой знати, уже из чувства самосохранения является военной аристократией, материальной благосостояние которой основывалось главным образом на кабальных и крепостнических отношениях к бесправному населению. Правда, предание наше говорит о том, что за господством аристократии, начиная с середины VIII в., последовало господство олигархии, другими словами плутократии, но, по мнению Хазебрека, это воззрение находит себе отражение лишь в поздних схематических построениях государственных теоретиков, особенно Платона и Аристотеля. Еще Геродот и Фукидид не проводят никакого различия между терминами «аристократия» и «олигархия». Аристотель указывает на необходимость различения их, но не применяет этого различения при обсуждении исторического развития форм греческого государственного строя. Границы между родовой и имущественной аристократией, если они вообще когда-либо существовали, с самого раннего времени были шаткими.

Повсюду знати противостоит, отделенный от нее глубокой пропастью, экономически слабый δῆμος; стоящий в той или иной степени зависимости от знати. Экономическая эксплуатация демоса в слабой степени проглядывает уже у Гомера, сильнее у Гесиода и в последующее за ним время. Часть демоса попадает за долги в кабалу к крупным собственникам. Но эти «кабальные» не то же, что крепостные. Они в племенном отношении сородичи знатным, они принадлежат к составу общины, хотя они и деклассированы; это скорее более или менее свободные землевладельцы, которые вместе со своей семьей и принадлежащей им землей обречены на длительное порабощение, или личную кабалу, или, чтобы избежать этого, добровольно стали таковыми и используются знатью как арендаторы полученной им от землевладельца земли. Наряду с мелкими крестьянами, положение которых приближается к крепостным, стоят феты, ремесленники, среди последних видное место занимают иноземцы, те, которых Хазебрек окрестил кличкой «*vagabundierendes Proletariat*». Это наиболее ранняя, осязаемая для нас стадия греческой «метойки». Этот пролетариат между прочим повел к все возраставшему перенаселению, что вызвало, с одной стороны, колонизацию, с другой — повело к первым началам демократизации в результате классовой борьбы. Рабство, в собственном смысле, как уже было отмечено, имеет в это время небольшое значение. Отмечая относительную «примитивность» описываемого общества, Хазебрек снова подчеркивает, что никакого «среднего сословия», в теперешнем смысле этого понятия, в нем не существовало. Точно так же все то, что высказано было о значительном развитии торговли и промышленности уже с середины VIII в. и о росте их в VII в., основано на ложном представлении о начавшейся в ту пору колонизации. Все это и повело к тому, что греческие земледельческие города обратились в торговые и промышленные города, господствовавшая в них аристократия превратилась в купеческую аристократию, крестьяне и мелкие ремесленники стали гражданами, занимающимися промышленностью. Все эти соображения думали подкрепить указанием на появление в VII в. монеты, которая якобы вытеснила натуральное хозяйство и превратила его в хозяйство денежное со всеми вытекающими отсюда социальными и экономическими

последствиями; в подкрепление того же мнения ссылались на некоторые отрывки лирических поэтов, на многочисленные находки ваз и вазовых черепков в различных местах Средиземноморья, на имеющиеся якобы определенные указания на места продукции (например, халкидские мечи, милетские [щиты]) и т.п. Все эти построения Хазебрек пытался разрушить уже в своей предшествующей книге «Staat und Handel», относительно промышленности тоже самое было сделано уже раньше Франкоттом, Вебером, Oertel'ем. О развитии торговли и промышленности до середины VII в. следует судить, говорит Хазебрек, в общем и целом на основании данных, даваемых Гомером и Гесиодом, и представлять себе общество до половины VII в. покоящимся на замкнутом домашнем хозяйстве, как его описывает Гомер. Все, что выходит за пределы нормальных жизненных потребностей, знать приобретает себе прежде всего при своих военных «авантюристических» предприятиях или благодаря дарению. Торговыми агентами являются не греки, а преимущественно финикийцы, и они являются посредниками в торговле между греческим и вне-греческим, преимущественно восточным миром. Торгуют рабами, предметами роскоши, украшениями, одеждой, но нет торговли предметами массового ежедневного потребления. Такую торговлю господствующее сословие могло использовать в своих интересах только там, где для этого созданы были благоприятные географические условия, как, например, в Коринфе или в Милете, Накратисе, Византии. Такая скромная торговля не требовала для себя денег в виде монеты, а в сущности была торговлею меновою. В соответствии с торговлей и сама промышленность в греческих государствах должна была в это время носить скромные размеры. Еще в начале VI в. Солон должен был поселить в Афинах иноземных ремесленников.

Среди разнообразных факторов, поведших к разложению господства родовой знати и к выдвиганию незнатного социального слоя, а вместе с тем и к созданию нового общества, первую роль, по мнению Хазебрека, играет фактор технико-военный: успехи металлургии повели к преобразованию военной тактики и к возникновению фаланги гоплитов, замкнутого боевого строя тяжелооруженных воинов. По мере того, как играющая прежде главную роль конница сменяется фалангой гоплитов, начинает падать также и греческое аристократическое государство. Несение военных обязанностей гоплитами обусловило собою и расширение для них обладания политическими правами, а эта так сказать военная демократизация неизбежно повела за собой и вступление их в государство, которое становится теперь государством аристократическо-гражданским, *πολις*ом в социально-политическом смысле; создается и понятие гражданина, *πολίτης*. Дисциплинированное войско гоплитов становится и первым застрельщиком борьбы против знати.

Наряду с указанным технико-военным фактором играют роль и другие. Прежде всего увеличение народонаселения, что во второй половине VII и в VI в. находит себе яркое выражение в усилившейся, развившейся колонизации и в существовании в полисе численно возросшего «странствующего пролетариата». Затем поднимается культурное развитие низших слоев, которые выдвигают ряд индивидуальных личностей (вроде Архилоха, Каллина). Античная традиция выдвигает как причину возвышения [?] демоса тяжелые долговые займы, порабощение мелкого крестьянства. И в этом античная традиция совершенно права. Напротив, господствующий взгляд новых ученых, исходя из ошибочных представлений о торговом и промышленном сословиях полиса VII в., объясняет возникновение и развитие греческой демократии торгово-промышленными факторами. Поднявший голову демос рассматривается не только как крестьянское сословие, но и как сословие торгово-промышленное, по крайней мере там, где для возникновения такого сословия имелись необходимые предпосылки, то есть повсюду в городах с высокоразвитой культурой. Но все это, указывает Хазебрек, происходит оттого, что на античность переносится картина средневековой демократизации, причем не уделяется внимание не только сущности демократического движения в Греции, но и упускается из вида социальная и экономическая структура греческого мира вообще. В средние века промышленность является действительно носительницей демократии и производственно-промышленная политика служит решающим элементом в демократическом развитии, равно как промышленно-политические интересы господствуют во внутренней жизни и во всей политике средневековых городских республик. В средние века демос выступает против аристократических родов организованным в цехи, и эти роды, в конце концов,

растворяются в цехах, ибо *пóλις* в экономическом отношении состоит из предпринимателей и ремесленников, которые часто выдвигают одного человека во главу движения против знати и (неразборчиво) изменяют государственный строй. В средние века возвышение гражданского торгово-промышленного сословия означает действительно демократизацию. Наоборот, в греческом, как и вообще в античном мире, социальная структура всей промышленной и индустриальной работы, даже позднее, никогда не приводила к выдвиганию на первый план промышленных интересов в политике *пóλις*'а и к сплочению свободного населения, занимающегося промышленностью, против родовой знати.

Более низкие и самые низкие слои в греческом мире это экономически разорившиеся крестьяне, более или менее задолженные и безземельные. Специфически античный пролетариат и в это раннее время есть политически деклассированный, потому что он стал безземельным — прежний собственник, и поэтому с самого начала — сословная борьба обезземеленного и задолженного крестьянства против знати. Начавшаяся движение преследует в первую очередь требование передела земли и погашения долгов, затем уже уничтожение привилегий знати и признание равенства всех перед законом. В древности не мог возникнуть рабочий, пролетарский класс. Античный пролетариат, участвующий в сословной борьбе в VII и VI вв., это преимущественно земледельческий пролетариат.

Борьба закабаленного и обязанного служить в военной службе крестьянства и примкнувшего к нему безземельного пролетариата [идет] против родовой знати: все решительные этапы ее известны достаточно хорошо благодаря сохранившемуся преданию лишь в Аттике. Они известны лишь спорадически и для других мест. Эта борьба почти повсюду переплетается и с [борьбой между] партийными группировками знати в их собственной среде, и этими группировками демос пользуется в своих интересах, так как честолюбие побуждает некоторых знатных с помощью революционной массы добиваться тирании, которая повсюду в греческом мире опирается на демос, и тираны повсюду являются друзьями демоса. Само собой понятно, что восставший демос повсюду имел своих вождей, и эти вожди, в случае победы демоса, не всегда и обязательно облачались верховной властью; этого иногда и избегали, чтобы воспрепятствовать возвращению господства аристократии. Вообще же этап тирании был только временной заминкой победы демоса на первом этапе его борьбы. Но уже тогда тирания должна была удовлетворять экономическим целям демоса, потому что и после падения тирании родовая знать оказалась всюду ослабленной, и уже никогда больше к власти она не вернулась. В некоторых случаях — и они показывают, что обе борющиеся партии еще не были достаточно сильны; — прибегали к избранию чрезвычайного должностного лица — эсимнета, выступавшего в качестве примирителя борющихся партий, причем эсимнет главное внимание обращал на реформу существующего законодательства; одной из наиболее характерных черт этой реформы является борьба против роскоши (Залевк, Харонд и др.). Но и эсимнеты имели в виду также удовлетворение экономических целей демоса.

Это всего яснее сказывается в реформе Солона, которая в результате сделала тех, кто до того были бедняками, если и не богачами, то имущими что-то. Верный своей точке зрения, Хазебрек и на реформу Солона смотрит исключительно как на реформу аграрную. Она, благодаря тому, что хорошо нам известна, может служить мерилom того, что происходило в других местах, например в Мегаре (Феогнид). Повсюду было разбито или смягчено экономическое превосходство знати. Большая пропасть между знатными и незнатными сузилась. И только теперь, когда были поколеблены прежние имущественные отношения, явились предпосылки для образования среднего сословия.

Естественным следствием экономического подъема крестьянства в результате борьбы явился и его политический подъем; но и тут политические права граждан, не принадлежавших к родовой знати, тесно связаны с их имущественным положением, иными словами, право участия в совете и в магистратуре — речь идет об Афинах — получают только крестьяне, владеющие землей. Но и тут занимать высшие магистратуры предоставлено только тем, кто обладает большим имущественным цензом. С другой стороны, введение ценза и служба в рядах гоплитов, являющаяся основой получения политических прав, является принципом, связанным с воинской реформой (введение фаланги). В этом смысле солоновский строй может быть

охарактеризован как *Hoplitenpolites*. Впрочем, и тут Солона нельзя считать каким-то новатором. Он завершил то, что началось на рубеже VII и VI вв. Политическая реформа Солона привела не к умеренной демократии, как обычно думают, а к умеренной олигархии. Главный результат реформы состоял в том, что отныне, наряду с новым аристократическо-гражданским обществом, возникает более или менее однородное свободное население полиса, в котором никто не может быть господином другого, все пользуются личной и экономической свободой, определены права и обязанности всего свободного населения. В этом отношении эпохой Солона завершился первый этап демократизации Афин, а также и других полисов, поскольку об этом имеются данные в нашей традиции. Вторым этапом был политический подъем безземельного населения и населения, обладавшего небольшим имущественным достатком. Лишь после этого *Hoplitenpolites* перешли в демократию.

Послесолоновское время озаменовано тем, что сословная борьба все же продолжается. Только вместо прежней борьбы двух сословий теперь выступает борьба трех сословий. Это находит свое отражение в предании о десяти архонтах в 580 г.: 5 из евпатридов (знать), 3 из агройков (крестьяне), 2 из демиургов (феты). Хазебрек, впрочем, сомневается в историчности этой традиции, но в особенности во всем том, что связано с тиранией Писистрата. Его политика может быть охарактеризована в первую голову как «мелкокрестьянская пролетарская политика». Но, предупреждает Хазебрек, говорить о «торговой политике» Писистрата нельзя уже потому, что в писистратовских Афинах не было значительного торгово-промышленного слоя населения, который мог бы осуществлять эту политику, ибо паралии — крестьянское, а не промышленное среднее сословие.

За Писистратом следует Клисфен, реформа которого знаменует собою прежде всего политический подъем фетов, после того как их экономический подъем совершился уже при тирании. Феты отныне допущены и в афинский совет, построенный теперь на совершенно новых началах (принцип территориального деления афинского населения на 10 фил, в связи с чем стояла и реформа в военной организации). Реформа Клисфена, состоявшая в том, что он «перемещал афинское население», означала собою прежде всего то, что ею были разбиты господствовавшие искони союзы родовой знати, что и сказалось в дальнейшем, когда крупные аристократические роды утрачивают как таковое всякое влияние в политической жизни Афин.

Характерной чертой древней демократии, отличающей ее от демократии новой, является то, что древняя демократия предполагает у лиц, принадлежащих к ней, полное обладание гражданскими правами; все элементы, которые этому требованию не удовлетворяют, стоят вне участия в государственной жизни. В этом отношении радикальная античная демократия в действительности есть ярко выраженная олигархия (мысль в зародыше была уже у Bruno Keil'я)¹⁸. Это резко всего проявляется в Спарте и на Крите с их полным равенством всех полноправных граждан и с наивысшим отражением военного характера *πόλις*'а. Вот почему, по мнению Хазебрека, Спарта может быть названа наиболее чистым типом греческого понимания идеи государства и *πόλις*'а. То изолированное положение, в которое помещает Спарту современная наука, теряет свою остроту, поскольку оказывается несостоятельным представлением о сильно представленном в *πόλις*'е гражданстве с торговым и промышленным уклонами. Другим принципом всякой античной демократии является принцип территориального подразделения населения. Этот принцип нашел свое выражение также и в Спарте с ее филами и обами. Тем, что в Спарте демос в результате своей борьбы со знатью сделал всех граждан равными (*ὄμοιοι*), Спарта и превратилась в типичную олигархию.

Последний отдел книги Хазебрека посвящен, как сказано, общей характеристике общественной и экономической жизни VI в. Нетрудно предвидеть, что и в этой характеристике Хазебрек будет проводить свою основную мысль: греческое общество развивается на чисто аграрной основе. Как и в предшествующее время, основой благосостояния гражданского общества является землевладение и скотоводство; так было и в VI в. В подкрепление этому Хазебрек указывает на то, что низший класс

¹⁸ См.: Keil B. Griechische Staatsaltertümer // Einleitung in die Altertumswissenschaft, von A. Gercke und E. Norden. Bd 3. Leipzig—Berlin, 1924 (2. Aufl.).

называется фетами, т.е. сельскохозяйственными наемными рабочими, а не демиургами, что ремесленники в Афинах в Аттике еще в солоновское время не получили полных гражданских прав. Штрафы по законодательству Драконта исчисляются по стоимости быка. Писистратиды взыскивают подати с аттического населения исключительно по урожаю плодов земных (1/20 — Фукидид VI, 54). Политика Писистрата — это забота о мелком крестьянстве, его религиозная политика — культ земледельческого и винодельческого Диониса и т.д. Ту же самую картину можно наблюдать и в остальных частях греческого мира, поскольку об этом дошли случайные свидетельства (Мегара, Самос, Халкида, Родос, Сифнос). На монетах VI в. эмблемами служат: виноградная лоза, сосуд для вина, колос, оливковый лист, бык. Греческое полноправное население в своей массе всегда состояло из земледельцев, виноделов, скотоводов. На нем жижидалась и военная сила $\tau\beta\lambda\iota\varsigma$ 'а. О высоком значении коневодства в среде знати наилучший свидетель Пиндар. На незначительное обладание рабской рабочей силой указывает любопытное известие Николая Дамасского о запрещении Периандром Коринфским приобретения рабов.

Но что новое общество VI в. не было обществом только мирных земледельцев и скотоводов, а было обществом и воинов, к которым теперь наряду со знатными принадлежат и незнатные, лучшим свидетелем является опять-таки Пиндар в его «Эпиникиях». С середины VII в. и до времени Персидских войн идут постоянные войны против «варваров» и борьба за расширение политической власти отдельных общественных групп за счет своих же соплеменников. Из внешних войн — самая большая — борьба малоазийских греков против сначала мидян, затем персов; на западе — в Сицилии — борьба греков против финикийцев; в собственно Греции завоевания Спарты в пределах Пелопоннеса, поведшие к образованию Пелопоннесского союза. Господство на море принадлежит Самосу (Поликрат) и Коринфу (Периандр), но стремление к талассократии мы наблюдаем и в Афинах при Писистрате. На эпоху тирании падает начало развившейся затем империалистической политики, стремление же к талассократии является жизненным принципом греческого государства с самых ранних пор. С этим принципом должна быть поставлена в связь и колониальная политика как в эпоху господства родовой знати, так и в эпоху сословной борьбы. Колонизационная деятельность начинала затихать как раз к тому моменту, когда близка к концу эта борьба, хотя те завоевания, которые были сделаны лидянами и персами в Малой Азии, вели часто к основанию новых колоний. Но и колонии VI в. почти повсюду суть аграрные колонии, которые быстро эмансипируются от своей метрополии. Торговых колоний не основывал $\tau\beta\lambda\iota\varsigma$ и в VI в.; зато по его инициативе основывались иногда военные колонии.

Греческое общество VI в. хотело представить торговым и промышленным обществом, в котором главную роль играло торговое и промышленное гражданство и купеческая аристократия. Но это общество, воспринявшее принципы прежнего общества родовой знати, должно было уже тем самым получить отвращение и презрение к труду. К тому же оно было настолько загружено политическими и военными обязанностями, что лишь в ограниченной мере могло заниматься систематическим трудом, ведущим к приобретению. Естественно поэтому, что оно должно было передать торговую и промышленную деятельность полугражданским и несвободным слоям населения. На самом деле греческое общество с Гомера и до IV в. развивается органически по прямой линии, которая не прерывается, как думают, во второй половине VII и в VI в. В какой слабой степени оседлое полноправное гражданство в первой половине VI в. занималось промышленностью и как мало оно было способно удовлетворять потребности в промышленных изделиях населения, показывают Афины и Самос. Солон был вынужден привлекать всю жизнь большое число иностранцев и поселить их в Афинах в качестве метеков и дать им права гражданства. Поликрат, чтобы привлечь на Самос иноземных ремесленников, должен был обещать им высокую плату. В Афинах некоторые из этих чужеземных $\beta\acute{\alpha}\nu\alpha\iota\omicron\tau\omicron\iota$ — о том говорят мероприятия Солона и Клисфена — постепенно достигли почетных прав гражданства. Но наряду с этими иноземными ремесленниками и туземные граждане, в силу увеличившейся потребности в промышленных изделиях, обратились к ремеслу. Как бы то ни было, ремесленная работа, по сравнению с предшествующим временем, утратила ту слишком низкую оценку, которую давали ей раньше. Но говорить о накоплении полноправными гражданами капитала в VI в. для торговых и

промышленных целей не дают право наши источники. Эти цели обслуживали, с одной стороны, пролетарские слои полноправного гражданства, с другой стороны, и преимущественно, политически деклассированные иноземцы. Конечно, здесь нужно считать с местными различиями. Коринф, например, является городом с более ярко представленным слоем ремесленников, Эгина — с торговым гражданством. Но что богатый эллинский гражданин не был «купцом», в нашем смысле, свидетельствует Пиндар, а в пользу существования в Коринфе богатых «фабрикантов» никаких доказательств привести нельзя. Промышленность и торговля и в VI в., как и раньше, покоились все еще на том большом слое населения, которое Хазебрек характеризует как «вагабундирующий пролетариат», о существовании которого свидетельствует прежде всего колонизация и наемничество (в качестве доказательства Хазебрек ссылается, между прочим, на известные абусимбелские надписи и на то, что власть тиранов покоилась преимущественно на наемном войске). Важное значение имеет и то, что повсеместно в греческих государствах мы встречаемся с метойкией (по надписям можно насчитать не менее 70 государств). Метеков уже сами греки (Ps.-Xen. Vect.) характеризуют как ἀτλίτες, т.е. лиц, не причастных к полису в его политическом смысле. В их руках и сосредоточена была главным образом промышленная и торговая деятельность. Именно метекам, как полугражданам, в противоположность к полноправным гражданам, и свойственно было в особенности стать торговцами, поскольку метеки не участвовали в политической жизни и не служили в войске. Снова Хазебрек выдвигает здесь в первую голову финикиян, хотя и может привести только одно свидетельство Пиндара, говорящего о «финикийских товарах». Если в некоторых случаях и упоминаются греческие торговцы, то всю торговлю они ограничивали сезонной торговлей. Ни об одном торговце-греке, сделавшем из торговли свое профессиональное занятие, нет упоминаний, так как если Геродот называет самосца Колея «навклером», то это не может иметь значение, потому что весь рассказ о предприятиях Колея в Кирене—Тартессе в VI в. приводится лишь как легендарный миф для объяснения дружественных отношений Кирены с Самосом. Для существования в полисе торговой политики не может быть предпосылок уже потому, что лишь аграрное производство является в нем исключительно национальным; ведь полноправное гражданство не позволяет иноземцам обладать крупной земельной собственностью. И никто не поверит, что для государства, никогда не принимавшего мер для защиты местного сельского хозяйства были бы решающими факторами экспортные интересы его крупного и мелкого крестьянства, приобретение каких-либо определенных рынков для вывоза на них местного вина, масла и других сельскохозяйственных продуктов. А что касается хлебного зерна, то его, как известно, в большинстве греческих государств не хватало для удовлетворения и местных потребностей. Этому не противоречат распоряжения Солона о вывозе. Они имеют в виду лишь то, чтобы в интересах обеспечения народного питания ничего не вывозилось из пределов Аттики, за исключением излишков и отличавшегося своим хорошим качеством оливкового масла. Торговля и в VI в., как и раньше, являлась лишь объектом фискальной эксплуатации, для которой географическое положение греческих городов давало свои возможности. Так Бакхиады использовали коринфский эмпориум, Периандр довольствовался только рыночными и портовыми пошлинами, Криса облагает корабли, прибывающие из Сицилии и Италии, довольно значительными пошлинами (Strab. IX, 3, 4). Все это лишь торговые, а не охранительные пошлины. Последние появляются лишь в эллинистическую эпоху.

Тем не менее с территориальным расширением эллиниста, с ростом городов промышленность и торговля должны были приобрести в VI в. большее значение, чем то было раньше. Число самостоятельных ремесленников должно было увеличиться, а демиурги только еще в редких случаях могли работать на чужбине, не имея собственного сырья и своих орудий производства. Но чтобы уже в то время была крупная промышленность, фабрики, массовое производство предметов для повседневного употребления, — где для всего этого доказательства? Ссылку на обилие находимых в различных местах греческого мира локальных сортов греческих ваз нельзя приводить еще в доказательство широко развитого гончарного производства, например в Коринфе, Афинах и пр. Все эти предметы гончарного производства являются главным образом предметами особенно ценными. То же приложимо и к металлическим изделиям. Хазебрек не отрицает, что в VI в. такого

рода предметы производились в Греции и что они производились именно для экспорта, но это были, так сказать, разовые вещи, и они-то и повели к тому, что их стали называть, по месту производства, «коринфскими», «милетскими» и пр. Еще в большей степени это приложимо к Эгине, и эгинские кушчи, может быть первые, вступили в конкуренцию с финикийскими купцами. За это говорит и то, что эгинская монета, эгинские меры веса нашли широкое распространение и за пределами Эгины. Что касается Афин, то их значение в этом отношении впереди; оно связано с эпохой афинского империализма. В Малой Азии значительными торговыми пунктами могут считаться Милет, Синопа и Трапезунт, как конечные пункты транзитной торговли, на западе — Массалия. По мнению Хазебрэка, вовсе еще не обязательно, что многочисленные вазовые находки свидетельствуют об экспорте ваз; гораздо проще и естественнее понимать дело так, что вазы эти изготовлены там, где они и найдены, что они и изготовлены «странствующими мастерами» по тем образцам, которые были у них на родине или в тех местах, где они раньше работали. Но Хазебрэк упускает из виду, что о коринфских, аттических и прочих вазах говорит не только стиль их и техника, но и глина, из которой они сделаны. Или и эту глину «странствующие мастера» привозили с собой?

С большим ограничением можно было бы говорить о денежном хозяйстве, которое будто бы с появлением монеты вытесняет прежнее натуральное хозяйство и которое будто бы, согласно модернизирующей теории, достигло большого развития уже в VII в. Монета входит в употребление в греческом мире самое раннее в начале VII в. в городах западной части Малой Азии, находившихся тогда под мидийским господством. Через острова монета находит доступ и в материковую Грецию, прежде всего на Эгину. Древнейшие эгинские монеты — не ранее середины VII в., древнейшие коринфские — времени Кипсела (657—625 гг. до н.э.), древнейшие афинские — конца VII в., халкидские и эретрийские — середины VI в., сицилийские и южноиталийские — второй половины и конца VI в., фессалийские и элидские монеты появились во время греко-персидских войн. Уже это указывает, как медленно с востока на запад распространялась монета. О наступлении с VI в. денежного хозяйства нет у нас и никаких определенных указаний в античной традиции. До эпохи греко-персидских войн мы не слышим ничего о процентах, о ссудах, об индивидуальных денежных капиталах. Богатство исчисляется не деньгами в монете, а золотыми чашами, серебряными сосудами, золотыми щитами и копьями и пр. Наряду с этими предметами деньги имеют лишь второстепенное значение. Натуральное хозяйство и денежное хозяйство идут рука об руку лишь с конца VI в., но развивается по-настоящему денежное хозяйство лишь начиная с V в. Этому не может противоречить и тот факт, что в Таренте найден монетный клад конца VI в., потому что нельзя доказать, что клад этот принадлежал торговцу и что монеты этого клада попали в Тарент в результате торговли (Хазебрэк думает, что клад зарыт может быть каким-нибудь наемником или деньги были добыты путем ограбления кого-либо). Принудительный курс греческая монета имела лишь в местах ее чеканки — причина этого то, что в большинстве случаев монета эта, исключая Афины, да и то в более позднюю эпоху, чеканилась не полновесной, так что в международной торговле (как указывает и Ps.-Хен. Vest.) выгоднее было обменивать товар на товар, а не на деньги. Причины такого ограниченного денежного обращения должно искать в чрезвычайной трудности добычи благородных металлов. Золотые россыпи на Сифносе были скоро исчерпаны, и золото поступало главным образом с Фасоса, из Фракии (также и серебро) и из Малой Азии. Благородные металлы шли в главной массе на храмовые посвящения.

Все это ведет к заключению, что нельзя говорить о государственном хозяйстве, покоющемся на монете, тем менее о накоплении ее в интересах государства. Все доходы, какие оно получало и все что оно тратило для своих необходимых потребностей (преимущественно военное дело и охрана) разделялись большей частью между гражданами (Геродот о сирийцах, он же о доходах с Лаврийских рудников). Доходы государства состояли во взимании штрафных денег, а в особенности пошлин, в том числе трудовых, в военной добыче, дани со стороны побежденных (о последних много известий). Также и о «крупном финансовом хозяйстве» тиранов нельзя говорить. Финансовое хозяйство Писистрата скорее следует представлять себе в типе финансового хозяйства Дария, только в малом масштабе. Атика платит Писистрату 1/20 со своих земельных доходов; лишь в малой степени добавлением к этому служили пошлины; золото, которое Писистрат получал с фракийских россыпей, складывалось

им в сокровищницы и шло, как предмет обмена, на удовлетворение его личных потребностей и на предприятия. Писистрат, правда, был первый, начавший чеканить монету из серебра лаврийских рудников, но наряду с ней продолжала ходить в городе и старая монета. Золотая монета шла, как и в Персии, в первую очередь на военные потребности (вознаграждение наемникам). Передаваемое Полидевом известие о том, что классы афинского населения (начиная может быть с Клисфена), платили 6000, 3000 и 1000 драм со своего имущества, не может относиться к VI в. Денежное хозяйство занимает в это время в общей хозяйственной жизни далеко не такое распространение, чтобы о нем можно было говорить и для отдельных граждан.

Таков, в существенных чертах, по концепции Хазебрека греческий социально-экономический быт за три, в среднем счете, столетия, быт стабильный, так как главная основа его продолжала оставаться без изменений. И эта основа была основа аграрная. Тут возникает прежде всего вопрос, оставленный Хазебреком совершенно без ответа: в состоянии ли были греки повсюду, где они жили, строго выдерживать эту аграрную основу, понимая под нею не только земледелие в собственном смысле, но и садовую культуру, и скотоводство и прочее, что с землею тесно связано. Если принять концепцию Хазебрека без всяких ограничений и оговорок, пришлось бы допустить, что производительность земли повсеместно, где жили греки, была одинаковая. Но этого, как мы знаем, далеко не было, и нельзя же сравнивать, например, почву Аттики с почвой Фессалии. Очевидно, если даже согласиться с мыслью Хазебрека об аграрной основе греческого быта в архаическую, скажем условно, эпоху, придется все-таки считаться с дифференциацией тех условий, на которых эта аграрная основа могла базироваться и претворяться в жизнь. Из того положения, которое выдвигает Хазебрек и которое по существу правильно, а именно, что забота греческого государства была направлена прежде всего на вопросы, касающиеся прокормления населения, вытекает, что и сам Хазебрек с упомянутой дифференциацией считается, но он не обмолвился о ней ни одним словом и даже ни разу не упоминает книги Jardé о cerealiaх¹⁹, где материал по этой части собран достаточный. Такую же дифференциацию следовало бы провести и в отношении скотоводства и прочих производительных сил, почвы и природы Греции. Иначе вся картина получается слишком схоластичной и догматичной.

Ту же самую дифференциацию следует провести и при решении вопроса о том, какое значение имело или могло иметь промышленное производство, низводимое Хазебреком на очень низкую степень, в различных местах греческого мира в зависимости от тех же природных условий, и тесно связанная с этим производством степень здоровой деятельности. Ничего этого в книге Хазебрека нет, а потому и та стабильность аграрной основы, на которой стоит так упорно Хазебрек, остается иллюзорной. Вся греческая жизнь у Хазебрека осталась на какой-то мертвой точке, нет никакого исторического прогресса в этой жизни — в лучшем случае прогресс этот изображается текущим очень медленно, и не всегда достаточно отчетливо указаны те причины, которые вызывают это хотя бы и медленное течение исторического процесса и в социальной и, в особенности, в экономической жизни. В этом отношении прав Kahrstedt в своей короткой рецензии на книгу Хазебрека в *Historische Zeitschrift* (147, 1932, 138)²⁰, который в конце рецензии указывает на то, что в Германии имеется еще группа историков, работающих над историей так, как над ней работали в средние века.

Упирая исключительно на аграрную основу социально-экономической жизни в архаическую эпоху, принижая значение в ней промышленности и торговли, Хазебрек стремится быть уж слишком ортодоксальным, не желает допускать никакой средней линии. И как-то чувствуется на протяжении всей книги, что если факты и заставляют Хазебрека идти на те или иные уступки в своей ортодоксальности, он делает это скрепя сердце. Афины в VI в. не были индустриальным городом, значит в них тогда не было и никакого коммерческого подъема. Но Хазебрек забывает или не желает считаться с тем, как сильно развита была в Афинах при Писистрате и Писистратидах строительная деятельность на акрополе, о чем мы узнали после того, как были произведены раскопки в его доперсидском слое. Эта деятельность была

¹⁹ См.: *Jahrde Aug. Les cereales dans l'antiquite grecque*. P., 1925 (Bibl. écoles franç. d'Athènes et de Rome. Fasc. 130).

²⁰ Точнее: U. Kahrstedt (*Historische Zeitschrift*. 1933. Bd 147. Ht 1. S. 138—143).

непосредственной предшественницей той, которая развилась при Перикле, и хотя она и уступала последней, но и она требовала найти в Афинах во второй половине VI в. мастеров, подмастерьев, ремесленников, рабочих и т.д.

Или другой пример. Хазебрек широко пользуется Пиндаром, который в своих эпиникиях славит знать и «рыцарский» дух в Коринфе и на Эгине. Отсюда делается вывод: коринфская и эгинская аристократия не имела никакого интереса к промышленности. Но ведь назначение-то победных од Пиндара состоит в том, чтобы прославить эти победы на панэллинских состязаниях коринфской и эгинской знати, и вряд ли для Пиндара было бы уместно сообщать о том, что тот или иной коринфский или эгинский аристократ одержал победу своими прекрасными рысакими, запряженными в превосходные колесницы, отчасти и на доходы, которые он получал не только со своих поместий. Пользоваться данными лирической поэзии невозможно так безоговорочно, как это можно в отношении, скажем, гомеровского эпоса. Греческая лирика VI в. проникнута одушевляющими поэтов личными настроениями, и так как они в подавляющем большинстве случаев являются представителями аристократического сословия, на которое делает теперь нажим демос, то понятно, несколько ожесточенное настроение поэтов против демоса. Это в особенности приложимо, например, к такому поэту, как Феогнид, которым Хазебрек широко пользуется, не считаясь при этом с различными более трудными местами, попавшими в Феогнидовский сборник и вряд ли могущими служить источником для характеристики сословных отношений, существовавших в VI в. (новейшая работа Jacoby о Феогнидовском сборнике Хазебреку осталась неизвестной)²¹. С другой стороны в упрек Хазебреку можно поставить, что он совершенно не использовал отрывки такого поэта, как Гиппонакт, который дает немало любопытных черт и черточек для характеристики положения низших слоев демоса.

Рисуя знатное общество архаической эпохи, настроенное исключительно милитаристически, пополняющим свое состояние исключительно или путем военных предприятий или при помощи того, что Хазебрек называет *Schenkung* — дарение, и потому не желающим признавать никаких иных возможностей к увеличению своих владений, а следовательно и доходов. Хазебрек, несомненно, впадает в крайность, которая сказывается еще больше, когда он те же свойства готов приписать и победившему знать гражданству, которое занято будто бы только агонистикой и носит исключительно «военно-цеховой характер», *Kriegerzunftcharakter*. И это Хазебрек старается еще подкрепить тем, что по его мнению греки VI в. и позже, до начала эллинизма, «боялись труда», были «*arbeitsscheuen*», не сознавали благородные стороны работы, передавали все промышленное и ремесленное производство слоям политически бесправным, к тому же граждане так были поглощены государственной деятельностью, войной, что ни для какой иной деятельности у них и не могло оставаться досуга. И тут в пример приводится Гефест, который изображается хромым, «знак того, что греки относились с презрением ко всякого рода работе, требующей прилежания». Но хромота Гефеста объясняется гораздо проще: он кузнец, а кузнецы в предании многих народов изображаются хромыми. А что касается до презрения греков к труду вообще, то и из эпохи, рассматриваемой Хазебреком, достаточно вспомнить Гесиода с его панегириком труду и с порицанием лениности.

И со многими другими положениями, выдвигаемыми Хазебреком, можно спорить и считать их малообоснованными. Например, исключительная роль финикийцев как торговых посредников в сношениях Греции с Востоком. Если так было в гомеровскую эпоху, то еще больший вопрос, так ли это было в VII и в VI вв. Господство так называемого ориентализирующего стиля в греческой керамике, в греческих металлических изделиях в эти века может найти свое объяснение и помимо этого «*mirage rhénicien*». Нельзя же упускать из внимания, что малоазийские греки, во всяком случае, стояли непосредственно в тесном соприкосновении с восточным миром, так что в данном случае и никакого финикийского посредничества могло не потребоваться. Наконец, если финикийцы были главными импортерами, то ведь они должны же были что-нибудь и вывозить из Греции. И тогда возникает вопрос, куда они это вывозили.

Вся греческая колонизация, утверждает Хазебрек, покоится на аграрной основе.

²¹ *Jacoby F. Theognis // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philosophisch-historische Klasse. 1931. Bd 10. S. 90—180.*

Опять-таки явное преувеличение, которое объясняется тем, что заброшенный вопрос об истории и характере греческой колонизации требует, как я неоднократно указывал, нового и детального разбора. И лишь в результате его должно выясниться, какие из основанных колоний были только аграрными, какие только коммерческими, какие совмещали и те, и другие интересы.

Наконец, странное впечатление оставляет этот так полюбившийся Хазебреку «*vagabundierendes Proletariat*». Хазебрек, конечно, прекрасно сознает, что всякое государственное образование по мере его роста неизбежно должно нуждаться в удовлетворении своих жизненных потребностей в предметах не одной только привозной, но и изготовляемой на месте промышленности. Но с другой стороны Хазебреку нужно доказать, что основа социально-экономической жизни архаической Греции, — исключительно аграрная. Вот тут-то на выручку Хазебреку приходит этот «странствующий пролетариат» в виде каких-то одиночек-ремесленников. Но странствующие ремесленники не то же, что странствующие музыканты, которые возьмут свои музыкальные инструменты и перекочевывают с ними из одного города в другой до тех пор, пока не усядут своей музыкой жителей того или другого города. Ремесленнику для того, чтобы устроить для себя более или менее сносное существование, нужен известный *ried à terre*, нужна клиентура и пр. А затем, при теории Хазебрека, получается и своего рода заколдованный круг. Если этими странствующими ремесленниками наполняются те или иные греческие города, то очевидно в некоторых из них был такой переизбыток ремесленников, что последние уже не находили себе работы на родине и должны были отправляться на чужбину искать заработки. Но Хазебрек не говорит о том, как он представляет себе происхождение этого «странствующего пролетариата», и он на протяжении всей книги появляется как *deus ex machina*, когда нужно защищать аграрную основу социально-экономического строя архаической Греции.

Хазебрек поставил себе задачу дать читателю ясную, строго очерченную, в себе самой замкнутую ее картину. Он во многом или повторяет, или дополняет, и лишь в очень редких случаях исправляет те положения, которые были выдвинуты им в качестве руководящих в его предшествующей книге «*Staat und Handel*». Эта книга носила, и с полным правом, подзаголовок «*Untersuchungen zur antiken Wirtschaftsgeschichte*». Теперь Хазебрек к этой *Wirtschaftsgeschichte* добавил *Gesellschaftsgeschichte*, постарался связать обе эти «истории» в одно целое, причем в социальную историю ввел даже такие параграфы, как «агонистика», «религия», «поэзия и искусство». Все эти сюжеты излагаются, однако, очень кратко и кроме общих мест ничего не дают, так что они смело могли бы и отсутствовать. Их Хазебрек включил, как мне думается, но может быть я и ошибаюсь, — потому, что новая книга Хазебрека обязана своим происхождением не только тому, что он в ней хотел заострить положения, выдвинутые им в предыдущей книге, но и тому, что новая книга Хазебрека явилась в результате курса по древней истории, читанного Хазебреком в Кельнском университете. Это конечно расширенные, дополненные, снабженные аппаратом лекции. Но дух последних в книге чувствуется для более или менее опытного университетского преподавателя, и этим духом объясняется и некоторая догматичность построения и изложения, встречающиеся повторения, о наличии которых предупреждает в предисловии сам Хазебрек; и эта, я бы сказал, назойливость, с которой Хазебрек старается как бы вбить в голову читателя, что высказываемые им основные положения являются для него руководящими и таковыми же должны быть и для читателя. Эта назойливость и эти повторения несколько расхолаживают читателя, которому не придется сдавать экзамен у Хазебрека по прочитанной книге. Новая книга Хазебрека совершенно правильно не имеет подзаголовка «*Untersuchungen*». Всякое исследование по характеру своему и по методу неизбежно должно представлять анализ, лабораторную работу, и этим требованиям «*Staat und Handel*» Хазебрека в значительной степени удовлетворяют, поэтому некоторые части его заслуживают и теперь всякого внимания и, надо полагать, войдут в научный обиход, потому что то, что хотел в них доказать Хазебрек, он и доказал — так мне кажется. Новая книга Хазебрека — типичная работа синтетического характера, поэтому она и найдёт, вероятно, более широкий круг читателей. Но — и с этим, я думаю, согласится всякий — всякая синтетическая работа, если она желает быть более или менее убедительной в своих выводах, должна основываться на предварительном анализе, построенном не только на привлечении

источников, но и на критическом их рассмотрении, а в вопросах запутанных и сложных — на детальном их разборе. Этого в новой книге Хазебрека почти нет, если не считать нескольких страниц, посвященных разбору вопроса о навкращениях, играющие роль своего рода экскурса и, вероятно, потому даже и напечатанных петитом. Но далеко не один вопрос о навкращениях в сложной и далеко не всегда прочно установленной социально-экономической истории архаической Греции все еще нуждается в специальной аналитической работе. Указание Хазебрека в предисловии на то, что состояние наших источников по затронутым им вопросам не позволяет идти дальше выяснения общих основ и общих положений, не только не оправдывает своевременности подводить синтез, но как раз наоборот предостерегает от этого. Хазебрек, давая преждевременный на мой взгляд синтез, при отсутствии аналитических работ по многим из затронутых и к тому же заостренных им вопросам, впал в ту же ошибку, в какую впали его антагонисты «модернизирующего лагеря», которые во многих случаях обобщили то, что требовало еще частного исследования. «Модернизирующее направление», как правильно указывает Хазебрек, явилось как реакция против господствовавшего раньше «идеализирующего направления». Труды самого Хазебрека и ученых более или менее одного с ним лагеря, среди которых нужно особенно отметить Oertel'я, должны быть рассматриваемы тоже как реакция против «модернизирующего направления». И в этом, на мой взгляд, главное и непререкаемое значение обеих книг Хазебрека и его журнальных статей. Однако главная ошибка представителей обоих направлений заключается, по моему, в некотором, если можно так выразить, предвзятом отношении к греческому экономическому быту. «Модернисты» его до чрезвычайности усложнили, Хазебрек, в свою очередь, его чрезвычайно упростил. У «модернистов» жизнь этого быта даже в VII—VI вв. бьет, что называется, ключом, у Хазебрека она еле-еле движется вперед, отпрявляясь потихоньку от уклада, обрисованного в гомеровском эпосе. У «модернистов» взят темп allegro, у Хазебрека — темп allegro moderato. И «модернисты», и Хазебрек несомненно, подходили к нарисованной им картине с заранее составленными к ним предпосылками общего характера, чем бы предпосылки эти подсказаны ни были. Без так называемой рабочей гипотезы исследователь, разумеется, работать не может; но эта рабочая гипотеза должна явиться, в особенности при изучении античности, имевшей, что бы ни говорили, свой специфический характер, и во многом, очень многом обусловленной и печальным состоянием и особо свойственным ей характером имеющейся в руках исследователя традиции — эта рабочая гипотеза должна явиться в результате критического изучения этой традиции. Стоит сойти с этой позиции критического изучения античной традиции, и мы неизбежно впадем в какой-либо «изм», и будем к нему подгонять наше историческое построение, едва ли к его выгоде и его убедительности для того, кто не хочет служить ни богу, ни мамоне; а хочет служить знанию.

Как бы ни относиться к книге Хазебрека, должно признать появление ее и желательным, и своевременным именно как реакцию, впадающую однако в противоположную господствовавшему направлению [тенденцию] крайнего «упрощенства». И это особенно важно потому, что господствовавшее направление было представлено выдающимися учеными, властвовавшими и продолжающими властвовать, в большей или меньшей степени, над умами недавнего и теперь еще не сданного в архив поколения историков, изучающих Грецию, хотя главные корифеи этого направления постепенно сошли в могилу, но влияние их, конечно, еще долго будет чувствоваться. И для исследователя, желающего стоять на собственных ногах, все еще продолжает оставаться привлекательной задача не только проверить при помощи критического изучения источников, кто был прав и кто не прав в своем построении социально-экономической истории Греции, но и проложить к этому построению новую дорогу. При этом, может быть, целесообразнее будет восходить от эпох более поздних к эпохам более ранним, потому что для первых наша традиция и полнее, и надежнее благодаря достаточному обилию документального материала, который при умелом его использовании всегда будет говорить сам за себя и, возможно, потребует меньше даже «рабочих гипотез», так как он дает исследователю в руки факты. Тогда, быть может, и не получится того трагического положения, о котором говорит в предисловии Хазебрек и при котором оказалось, что оперируя над тем же материалом, что был в руках его предшественников, он пришел по сравнению с ними к диаметрально противоположным выводам.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Арутюнов С.А., Крупник И.И.</i> (Москва), <i>Тернер К.Г.</i> (Финикс, Аризона), <i>Лафлин В.С.</i> (Сторрс, Коннектикут) — Академик В.П. Алексеев и мировое сообщество антропологов	5
Последняя встреча	7
<i>Ньоли Г.</i> (Рим) — Парс и Сагестан в сасанидской религиозной политике	9
<i>Андреев Ю.В.</i> (С.-Петербург) — В ожидании «греческого чуда» (<i>Духовный мир микенского общества</i>)	14
<i>Зубарь В.М.</i> (Киев) — Северное Причерноморье и Септимий Север	34
<i>Гуляев В.И.</i> (Москва) — Скипетр и держава: к вопросу о царской власти у древних майя	45

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Виноградов Ю.Г.</i> (Москва) — Дорийские филы в Херсонесе Таврическом	61
<i>Литвинский Б.А., Пичикян И.Р.</i> (Москва) — Ахеменидская рукоять с протомой грифона из храма Окса	67

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

<i>Ламберг-Карловский К.</i> (Кембридж, Массачусетс) — В. Гордон Чайлд и концепция революции	90
<i>Мерперт Н.Я.</i> (Москва) — К оценке деятельности В.Г. Чайлда	105
<i>Погребова М.Н., Раевский Д.С.</i> (Москва) — Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных	110

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Поссел Г.Л.</i> (Филадельфия) — Хараппская цивилизация и ее соседи — охотники и собиратели	119
<i>Мунчаев Р.М., Мерперт Н.Я.</i> (Москва) — Новые открытия и проблемы археологии Верхней Месопотамии (<i>По материалам исследований экспедиции Российской Академии наук в Сирии</i>)	127
<i>Сарианиди В.И.</i> (Москва) — Ахейская Греция и Центральная Азия (<i>Вновь к постановке проблемы</i>)	137
<i>Грене Ф.</i> (Париж) — Знание Яштов Авесты в Согде и Бактрии по данным иконографии	149

ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

<i>Рапопорт Ю.А.</i> (Москва) — Загородные дворцы и храмы Топрак-калы	161
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Тункина И.В., Фролов Э.Д.</i> (С.-Петербург) — Историографические этюды С.А. Жебелева (<i>Из неизданного научного наследия</i>)	187
<i>С.А. Жебелев</i> — О новой книге Hasebroek *а	187
<i>Бонгард-Левин</i> (Москва), <i>Вахтель М.</i> (Принстон), <i>Зуев В.Ю.</i> (С.-Петербург) — Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов (<i>Новые материалы</i>)	210

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Ярхó В.Н.</i> (Москва) — Zweihundert Jahre Homer-Forschung. Rückblick und Ausblick / Hrsg. von J. Latacz. Colloquium Rauricum. Bd 2. Stuttgart, Leipzig, 1991	222
<i>Кошеленко Г.А.</i> (Москва) — Greek Colonists and Native Populations. Proceedings of the First Australian Congress of Classical Archaeology held in honour of Emeritus Professor A.D. Trendall / Ed. J.-P. Descoedres. Oxford, 1990	229
<i>Молчанов А.А.</i> (Москва) — Orpheus. Journal of Indo-European and Thracian Studies. V. I. Sofia, 1991	239